

Своеобразие якутского языка всегда требовало сравнения каждой его детали с аналогичными материалами других тюркских языков. Ф. И. Страленберг, сравнивая якутские числительные, первый отнес его к тюркским языкам¹. О. Н. Бётлингк провел последовательное сравнение грамматического строя и лексики якутского языка с другими тюркскими языками и пришел к выводу, что якутский язык значительно отличается от них². Полагая, что якутский язык первым отделился от остальных тюркских языков, О. Н. Бётлингк предлагал назвать тюркскую группу языков турецко-якутской. Он провел также очень деятельные сравнения якутского языка с монгольскими языками.

В 1908 г. В. В. Радлов опубликовал специальную работу, посвященную отношениям якутского языка к тюркским, монгольским и другим языкам³. Проанализировав фонетику, морфологию и лексику якутского языка, В. В. Радлов пришел к выводу, что якутский язык, являясь тюркским, возник в результате тюркизации какого-то неизвестного языка, до этого подвергнувшегося омонголиванью.

В 1941 г. С. Е. Малов высказал мысль, что якутский язык сложился до появления первых тюркских письменных памятников (VII—VIII вв.), так как в нем содержится много древних языковых фактов (глухие звуки, долгота)⁴. В своей классификации С. Е. Малов отнес якутский язык к числу древнейших тюркских языков⁵.

С небольшой заметкой о месте якутского языка среди тюркских и его отношении к алтайским языкам выступил Ст. Калужинский⁶. Он полагает, что наиболее древней частью якутского языка является его тюркская часть, которая сложилась как конгломерат разных тюркских диалектов. Затем в язык вошли монгольские элементы, которые могут быть отнесены к XII—XIII вв. Позднейшим слоем являются эвенкийские элементы. Все это делает якутский язык очень интересным для алтаистики, так как он являет собой пример взаимодействия языков трех групп, составляющих алтайскую языковую семью.

Теперь собраны новые материалы, позволяющие установить отношение якутского языка к древнетюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам.

Наиболее детально якутский язык может быть сопоставлен с языками рунических памятников из Монголии.

В области фонетики можно отметить следующее:

- а) наличие среднеязычного *нь*;
- б) соответствия *й йнь* в определенном круге слов⁷;
- в) глухие согласные в аффиксах после конечной гласной основы⁸.

В области морфологии:

- а) большая дифференцированность частей речи по сравнению с современными тюркскими языками;
- б) структура парных слов с полным параллелизмом формы компонентов⁹, в том числе и глаголов;
- в) система приемов усиления лексического значения основ посредством ее повторения в производной форме (здесь особенно интересно то, что в якутском языке имеются все типы усилительных оборотов, имеющих в орхонских памятниках);

г) наличие падежного аффикса винительного падежа *-ын* в лично-притяжательном склонении;

д) смешение тюркской падежной системы в якутском языке, выразившееся в том, что исчез родительный падеж, оставив след в оформлении среднего члена сложного изафетного сочетания, а местный падеж переосмыслен в частный, может рассматриваться как естественное продолжение явлений, имевших место в склонении имен существительных в языках орхонских памятников (случай употребления детального падежа вместо местного, местного вместо исходного¹⁰; разное и непоследовательное употребление родительного падежа¹¹);

е) система глагольных форм якутского языка имеет много общего с системой глагольных форм орхонских памятников¹². Ср., например:

Орхонские формы

Якутские формы

Настоящее-будущее время на <i>-ар</i> , <i>-ур</i> , <i>-ыр</i>	Причастие настоящего времени на <i>-ар</i> ~ <i>-ыр</i> входит в парадигму как форма 3-го лица ед. и мн. ч. настоя. стго времени.
Причастие на <i>-дук</i>	Аффикс <i>-тах</i> образует наклонение, выражающее действие, совершение которого является естественным следствием сказанного выше.
Прошедшее время на <i>-мыш</i>	Причастная форма на <i>-быт</i> обладает широкими синтаксическими функциями, в парадигме спряжения образует прошедшие времена: 1) прошедшее результативное и 2) прошедшее повествовательное ¹³ , а также целый ряд описательных форм прошедшего времени.
Условная форма на <i>-сар</i>	Условная форма на <i>-тар</i> . Временные значения этой формы выражаются так же, как в орхонских памятниках, — описательно, сочетанием соответствующего причастия и связочного глагола в условном наклонении.
Деспричастие на <i>-у</i>	Отглагольное наречие с аффиксом, состоящим из узкого гласного (<i>-ы</i> , <i>-у</i> , <i>-и</i> , <i>-ү</i>).

Кроме этих форм, в якутском языке имеются глагольные формы, восходящие к формам других древнетюркских памятников:

Древнетюркские формы

Якутские формы

<i>-бу</i> выражает долженствование и цель	аффикс <i>-юа</i> (<др. -тюрк. <i>-бу</i>) образует форму будущего времени. Имеются только формы ед. ч.;
<i>-чы</i> образует формы со значением будущей модальности	аффикс <i>-чы</i> образует отглагольное наречие;
<i>-ыб</i> образует причастие	<i>-ым</i> (<др.-тюрк. <i>-ыб</i>) образует форму повелительного будущего, употребляемого только в 1-м лице ед. ч., а также имя действия.

ж) наречия с аффиксом *-тык*, образуемые от имен прилагательных (*үтүө-түк* 'прекрасно', от *үтүө* 'прекрасный'), могут быть сопоставлены с аналогичной формой орхонских памятников *ädgüti* 'хорошенько' от *ädgü* 'хороший'.

В области синтаксиса:

а) ввиду отсутствия родительного падежа, определение в изафетной.

конструкции имеет форму основного падежа. На частое оформление изафетных конструкций без родительного падежа также указывал К. Грэнбек в названной выше работе;

б) якутский язык имеет отличное от других современных тюркских языков оформление однородных членов. Некоторые из этих способов (одинаковое падежное оформление всех однородных членов данного предложения, объединение однородных членов аффиксом обладания *-лаах*) прямо восходят к аналогичным способам в орхонских памятниках. Появление других способов, заимствованных из тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, объясняется унаследованным от древних языков стремлением выражать отношения однородных членов друг к другу особыми способами связи.

в) в сложном предложении можно отметить следующие общие с орхонскими памятниками моменты:

наличие конструкции причастного изафета, наличие придаточного предложения подлежащего особой конструкции (ср. *Qalmis! Alp — Памятник в честь Тоньюкука*, 38), оформление подлежащего в подчиненном предложении основным падежом, личное оформление сказуемых в зависимом предложении с помощью аффиксов принадлежности.

В области лексики:

В якутском языке есть слова, которые имеются только в нем и в древнетюркских памятниках. Например, *уу* 'сон', в других тюркских языках — чаще всего *уйку*, от которого образуются соответствующие глагольные основы с аффиксом *-ла*. В якутском же языке и глагол соответствует орхонскому: *угуй-* 'спать', орх. *уды-*. Некоторые общетюркские слова употреблены в орхонских памятниках в необычном значении. Эти значения раскрыты благодаря якутским материалам. Например, глагол *өл-* в предложении: *Türk budun öli alqyntu joq bolty'* (*Памятник в честь Тоньюкука*, 3) 'Тюркский народ ослабел (умер), обессилел, сошел на нет'. Четвертое значение глагола *өл-* в якутском языке 'омертветь, завянуть'.

Отмеченные сходства позволяют сделать вывод о том, что якутский язык в своих основных особенностях связан с языками рунических памятников Монголии. Многие своеобразные черты якутского языка объясняются сохранением и развитием явлений, отмеченных в этих памятниках. Большое число сходных черт позволяет предположить, что в основу якутского языка лег какой-то древний тюркский язык, близкий к языкам рунических памятников Монголии. То, что якутский язык получил от монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, по большей части также определено линией развития, которую якутский язык унаследовал от тюркского языка-предка.

Монгольские элементы в якутском языке, несмотря на их количественную значительность, не составляют системы и не определяют собой строя якутского языка.

В области фонетики можно отметить следующее:

а) образование заместительных долгот в словах монгольского происхождения оказалось воздействие на образование заместительных долгот и дифтонгов в основах и аффиксах тюркского происхождения. Начатое в недрах монгольского языка, оно протекало в основном уже в якутском языке по правилам, выработавшимся в этом языке, возможно, усилив аналогичный процесс в тюркских корнях и аффиксах. В якутском языке ясно различаются две системы долгих гласных и дифтонгов: долгие гласные и дифтонги в тюркских корнях: *аа, ыы, ии, уу, үү, из, уо,*

уө; заместительные долгие гласные и дифтонги в тюркских и монгольских корнях: *aa, ээ, оо, өө, ыы, ии, уу, үү, ыа, иэ; уо, үө*. Вторая система долгих гласных и дифтонгов распространяется и на аффиксы. В некоторых омертвевших аффиксах тюркских слов, где образование дифтонгов было подчинено закономерностям, свойственным корневым гласным слов тюркского происхождения, сейчас наблюдается процесс своеобразного выравнивания по системе заместительных долгот и дифтонгов (например, замена дифтонга уө долгой гласной өө в глаголах типа *өрөө* 'дневать');

б) под воздействием монгольского языка увулярные смычные *к* и *в* перешли в проточные. Переход смычных в проточные сопровождался изменением соотношения увулярных и заднеязычных (вместо передней и задней артикуляции гласных по их широте и узости, ср. *харах* 'глаз', *кутуйах* 'мышь');

в) благодаря словам, заимствованным из монгольского, в некоторых тюркских основах сохранилось *дь* (*и*) в начальной позиции и *ч* в начале и середине слова;

г) переход конечных *с, ш, з* в некоторых словах и аффиксах тюркского происхождения в *т* также может быть связан с монгольскими языками (ср., например, бурятский)¹⁴.

д) соответствие *с~h* также может быть связано с монгольскими языками (бурятский язык)¹⁵, хотя это соответствие широко распространено в эвенкийском языке и его диалектах.

В области морфологии можно отметить только систему видовых аффиксов и аналитических сочетаний в образных и звукоподражательных глаголах, вошедших в язык вместе с многочисленными заимствованиями образных и звукоподражательных основ, с отглагольным словообразованием имен прилагательных и наречий с их особой структурой усилительных частиц. Это создает некоторую автономию образных слов в морфологической системе якутского языка.

В области синтаксиса якутского языка можно отметить способ оформления однородных членов с помощью числительного *икки* 'два' (*Сэмэн икки Мэхээлискэ иккини* 'Семен и Михайлушку', вин. пад.), являющийся синтаксической калькой монгольского сочетания однородных членов с числительным *хоёр* 'два'. Это заимствование было подготовлено тем, что в якутском языке оформление сочетания однородных членов предложения играло большую роль.

Заимствования из монгольской лексики очень многочисленны. Это даже дало основание некоторым авторам считать якутский язык нетюркским¹⁶. Но монголизмы в большинстве разделов лексики представляют собой единичные вкрапления. Единственная область, где они преобладают, это образные и звукоподражательные слова.

Включение монгольских образных и звукоподражательных слов в лексику якутского языка в таком объеме говорит о длительном двуязычии и тюркских предков якутов и какого-то монголоязычного племени, передавшего якутам эту своеобразную особенность своего языка. Оно говорит и о том, что в тюркском языке предков якутов было развито образное мышление (о чем свидетельствуют, например, якутские парные слова¹⁷), которое и обусловило эти заимствования. Остальная монгольская лексика представлена в основном большим числом глаголов, что подтверждает предположение о длительном двуязычии носителей двух взаимодействующих языков как непременном условии их заимствования.

Звуковой облик монголизмов в якутском языке очень часто соответ-

стует написанию этих слов в письменных монгольских памятниках (XII—XIII вв.)¹⁸. Эта дата относительна. Она означает только, что заимствование произошло не раньше этого времени. Но оно могло произойти и, вероятно, произошло значительно позднее. По некоторым данным, взаимодействие тюркского предка якутского языка и какого-то монгольского языка протекало в центральной части современной Якутии¹⁹, где, по-видимому, сложился якутский народ со своим языком, столь отличным от других тюркских языков.

В пользу этой гипотезы говорит образование на части территории Центральной Якутии так называемого «акающего» диалекта, которое произошло в период установления ныне действующего закона гармонии гласных («акание» распространяется только на основы тюркского и монгольского происхождения, с составом гласных, не соответствующим этому закону). Территориальная закреплённость отмеченного явления позволяет считать, что оно сложилось в этнически однородной среде, отличной по языку от других групп древнего состава якутов. То, что в этом районе гармония гласных установилась по первому слогу, позволяет предположить, что эта группа была монголоязычной, так как в монгольских языках первый слог выделяется в произношении. Кроме того, есть и косвенные свидетельства пребывания монголов на территории Якутии, например монгольская топонимика (Чэриктэй, Элэһин и др.).

Само слово *якут* представляет монгольскую форму множественного числа от слова *Јака*²⁰, к которому восходит современное самоназвание якутов *саха*, идентичную эвенкийской *якол* (мн. ч. от *яко* 'якут'). Это слово, употребляемое в первых исторических памятниках наряду с названием *якольцы*, свидетельствует о том, что русские узнали о якутах от эвенков (этноним *якольцы*) и каких-то монголов (*Јакуут*), обитавших там жс.

Из тунгусо-маньчжурских языков большую роль в формировании якутского языка сыграл эвенкийский язык. Правда, явлений, явно связанных с этим языком, не так много, но значение их для строя якутского языка очень существенно.

В области фонетики можно отметить:

- а) смещения в системе проточных согласных, которые привели к выпадению ряда проточных *ш*, *э*²¹;
- б) переход аффрикат в среднеязычные согласные;
- в) соответствие *с~h*, свойственное многим диалектам эвенкийского языка²².

В области морфологии:

- а) аналитическое выражение отрицания при имени особой формой словосочетания с именем отрицания *суох*, совпадающее с аналогичным построением в эвенкийском языке: як. *харчыта суох* 'без денег', *ат-а суох* 'без лошади, не имеющий лошади', эвенк. *му-е ачин* 'без воды', *орон-о ачин* 'без оленя'. В эвенкийском языке в этом случае отрицаемое имя существительное имеет форму винительного-назначительного (аффикс *-йа, -а*);

- б) пересмысление местного падежа в частный (аффикс *-та*); здесь собственно имеет место контаминация двух значений — древнетюркского *Ľskativ-Ablativ'a* (аффикс *-та*) и эвенкийского винительного-назначительного (аффикс *-йа, -а*), которая произошла после того как заимствованный из эвенкийского языка начальный *й* аффикса винительного-назначительного перешел в *т*²³;

в) заимствование аффиксов совместного падежа для оформления особых случаев однородных членов;

г) способность якутских деепричастий, как и эвенкийских²⁴, принимать аффиксы сказуемости (или, реже, аффиксы принадлежности).

Три последних морфологических заимствования имели большое значение для развития якутского синтаксиса;

а) переосмысление формы местного падежа в частный привело к изменениям в значении прямого дополнения, падежная форма которого в якутском языке выражает степень охвата его действием;

б) заимствование формы совместного падежа (аффикс *-наан* при терминах родства, аффикс *-лыын* в остальных случаях) способствовало обогащению способов оформления сочетаний однородных членов предложения;

в) присоединение аффикса сказуемости к деепричастным формам привело к внутренней перестройке тюркской синтаксической системы в якутском языке, которая сейчас представляет собой ее дальнейшее развитие.

В области лексики заимствований поразительно мало. Современное отношение якутского и эвенкийского языков не позволяет судить о том, как эвенкийские элементы могли проникнуть в строй якутского языка. Можно только предполагать, что это произошло на самых ранних этапах становления якутской народности, когда малочисленная тюркоязычная группа должна была владеть эвенкийским языком для общения с хозяевами края и когда первые поколения эвенков, переходя на якутский язык, могли перенести в него свои способы грамматического мышления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Th. J. Stralenberg, *Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia*, Stockholm, 173).

² O. Böhrling, *Über die Sprache der Jakuten*, SPb., 1851.

³ W. Radloff, *Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen*, SPb., 1908, S. 2.

⁴ С. Е. Малов, *Якутский язык и его отношение к другим тюркским языкам*, «Вестник АН СССР», 1941, № 5—6, стр. 63.

⁵ С. Е. Малов, *Древние и новые тюркские языки*, «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка» 1952, т. XI, вып. 2, стр. 14).

⁶ St. Kałużyński, *Miejsce języka jakuckiego w grupie tureckiej i jego stosunek do pozostałych języków altajskich*, «Sprawozdania z prac naukowych Wydziału nauk społecznych», 1959, № 1, Warszawa.

⁷ М. Рясянен, *Материалы по исторической фонетике тюркских языков*, М., 1955, стр. 177.

⁸ С. Е. Малов, *Древние и новые тюркские языки*, стр. 139.

⁹ С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, М.—Л., 1951, стр. 49; Е. И. Убрятова, *Парные слова в якутском языке*, «Язык и мышление», т. XI, М.—Л., 1948, стр. 298, 319.

¹⁰ См. A. v. Gabain, *Alttürkische Grammatik*, Leipzig, 1950, S. 88 (здесь местный падеж назван Lokativ Ablativ).

¹¹ См. K. Grönbech, *Der türkische Sprachbau*, Kopenhagen, 1936, S. 173.

¹² Общетюркские глагольные формы (на *-ты*, *-маз* и некоторые другие) здесь не сопоставляются.

¹³ Е. И. Коркина, *Формы прошедшего времени глагола в якутском языке*, «Труды Якутского филиала АН СССР», вып. I (VIII), Общественные науки, Якутск, 1958, стр. 144.

¹⁴ Г. Д. Санжеев, *Сравнительная грамматика монгольских языков*, т. I, М., 1953, стр. 88.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. например, Г[урий] С[тепанов], *Якутский язык в его отношении к*

- keskilte», вып. 1(4), Якутск, 1927, стр. 82.
- ¹⁷ Е. И. Убрятова, *О некоторых особенностях основы слова в якутском языке*, «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1948, т. VII, вып. 6, стр. 556.
- ¹⁸ St. Kalu'vñski, указ. соч., стр. 59.
- ¹⁹ А. П. Склядников считает, что это взаимодействие осуществилось еще на территории Прибайкалья (см. А. П. Окладников, *История Якутской АССР*, т. I; 2-е изд., М. — Л., 1955, стр. 325).
- ²⁰ Это предположение было высказано акад. О. Н. Бётлингку бурятским ученым Дорджи Банзаровым (см. О. Böhlingk, указ. соч., стр. XXXIV).
- ²¹ В. И. Цинциус, *Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков*, Л., 1949, стр. 43.
- ²² Г. М. Василевич, *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*, Л., 1948, стр. 93, 185, 210, 264, 312, 336 (таблица соответствий).
- ²³ С. В. Ястремский, *Падежные суффиксы в якутском языке*, Иркутск, 1898, стр. 19; он же, *Грамматика якутского языка*, Иркутск, 1910, стр. 59; Н. Н. Поппе, *Учебная грамматика якутского языка*, М., 1926, стр. 6; Е. И. Убрятова, *Исследования по синтаксису якутского языка*, М. — Л., 1950, стр. 127—132; N. Poppe, *Das Jakutische*, «Philologicae turcicae fundamenta», Wiesbaden, 1959, S. 68).
- ²⁴ Г. М. Василевич, *Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка*, Л., 1941).

По докладу выступили А. фон Габэн, М. А. Бертагаев, Л. Базэн, В. И. Цинциус, А. Б. Булатов.